

ПАВЕЛ КОРСУНСКИЙ

НЕ ВХОДИТ В МОИ ФУНКЦИИ

Павел Корсунский

Не входит в мои функции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73751353

ISBN 9785006967144

Аннотация

«Не входит в мои функции».Илье сорок семь лет. Он архитектор, муж, человек, который «непонятно для чего». Однажды ночью, после фразы жены, он скачивает приложение – систему контроля, которая берёт на себя всё, что он не мог сделать сам: зал, режим сна, дедлайны, звонки маме. Система работает. Жизнь выравнивается. Только что-то в ней перестаёт быть его. Повесть о человеке, который делегировал себя – и о том, как дорого это обходится.

Содержание

Павел Корсунский	5
Оглавление	6
Глава 1	7
ФРАЗА	7
Глава 2	12
КОНТРАКТ	12
Глава 3	16
ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ	16
Глава 4	22
ПЕРВЫЙ ОТКАЗ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Не входит в мои функции

Павел Корсунский

© Павел Корсунский, 2026

ISBN 978-5-0069-6714-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Павел Корсунский
Не входит в мои функции

Повесть
2025

Оглавление

Глава 1. Фраза

Глава 2. Контракт

Глава 3. Первые недели

Глава 4. Первый отказ

Глава 5. Торг

Глава 6. Архитектура

Глава 7. Гитара

Глава 8. Слух

Глава 9. Сближение

Глава 10. Сжатие

Глава 11. Встреча

Глава 12. Тишина

Глава 13. Двойная жизнь

Глава 14. Молчание

Глава 15. Разговор с женой

Глава 16. Не входит в мои функции

Глава 1

ФРАЗА

Марина мыла посуду.

Я сидел за столом и делал вид, что читаю. Не читал. Смотрел, как она двигается – привычно, экономно, без лишних движений. Спина прямая. Локти чуть разведены. Восемнадцать лет я смотрю на эту спину и до сих пор не знаю – нравится мне это или нет. Наверное это и есть ответ.

За окном был март. Серый, мокрый, никакой. Такой март, который не обещает ничего – просто переходный период между тем, что было, и тем, что будет. Я смотрел в окно поверх книги и думал, что не помню, когда последний раз ждал чего-нибудь от весны.

– Илья, – сказала она. Не вопрос. Просто – Илья. Так говорят, когда хотят убедиться, что человек ещё здесь.

– Угу.

– Ты подал заявку на тот конкурс?

Я подал. Три недели назад. Заполнял форму поздно вечером, пока она спала – не потому что скрывал, просто так вышло. Потом не сказал – не потому что забыл. Просто каждый раз, когда собирался – что-то останавливало. Не страх. Что-то другое. Как будто если не говорить вслух – можно ещё

не решать, что это значит.

– Да.

– И?

– Жду ответа.

Она выключила воду. Взяла полотенце. Вытирала руки долго – я считал секунды зачем-то, досчитал до двенадцати. Потом она повернулась.

Не злая. Не усталая. Просто – посмотрела. Так смотрят на человека, которого давно знают и именно поэтому не понимают.

– Ты хороший человек, Илья. Просто непонятно для чего.

И пошла в комнату.

Я остался сидеть.

Звук её шагов по коридору. Потом тишина. Потом где-то в стене тихо щёлкнуло – батарея или трубы, этот звук был всегда, просто обычно я его не слышал.

Книга лежала передо мной открытая на одной странице. Я смотрел на текст и не видел слов – видел буквы, строчки, поля. Как будто читал на языке, который знал когда-то и забыл.

Непонятно для чего.

Встать и пойти к ней – я мог. Спросить, что она имела в виду – тоже мог, хотя прекрасно понимал, что она имела в виду. Именно поэтому не спросил. Потому что если спросить – придётся отвечать. А отвечать – значит знать. А знать – значит делать что-то с этим знанием.

Проще было сидеть.

Я встал. Налил воды. Выпил стоя у раковины – холодная, чуть отдаёт трубами, я всегда это замечаю и всегда забываю купить фильтр. Поставил стакан.

Посмотрел на свои руки.

Обычные руки. Сорок семь лет, мозоль от карандаша на среднем пальце правой, небольшой шрам на запястье левой – упал на стройке лет пятнадцать назад, уже не помню на какой. Я смотрел на эти руки и думал – чьи они. Не в смысле сомнения. В смысле, что не мог вспомнить, когда последний раз делал ими что-то, что сам хотел. Не по работе. Не по надо. Просто – хотел.

Не вспомнил.

Лёг в половине одиннадцатого.

Марина уже была в спальне – свет под дверью погас, пока я чистил зубы. Я лёг тихо, осторожно, как ложатся, когда не хотят будить. Хотя не знал – спит она или нет. Не спросил.

Потолок был белый и в темноте почти не виден. Где-то за стеной у соседей работал телевизор – неразборчиво, только ритм речи, как будто кто-то что-то объясняет бесконечно долго.

Я лежал и ждал, что мысли успокоятся.

Они не успокаивались.

Непонятно для чего.

Крутилось. Я пытался думать о другом – о проекте, о подрядчике, которому надо позвонить, о молоке в холодильнике. Думал. Потом фраза возвращалась. Я снова уходил в про-

ект. Снова возвращалась.

В какой-то момент я попробовал ответить честно.

Для чего я. Не для кого – для чего.

Лежал и думал. Минуту. Две. Пять.

Ничего не приходило.

Не то, что список был пустой. Просто – как будто вопрос был задан не на том языке. Как будто внутри была комната, куда я давно не заходил, и теперь стоял у двери и не мог вспомнить, есть ли там вообще что-нибудь. Или я сам там есть.

Телевизор за стеной замолчал.

Стало совсем тихо – только трубы, только дыхание Марины рядом, ровное и далёкое одновременно. Восемнадцать лет я сплю рядом с этим дыханием и иногда оно кажется мне самым одиноким звуком, который я знаю.

Я лежал и думал часа три.

Не продуктивно. Просто – гонял по кругу одно и то же. Как это бывает ночью, когда мозг делает вид, что работает а на самом деле просто держит тебя в темноте и не отпускает.

Где-то около двух я понял одну вещь.

Она была права. Не жестокой – просто права. С жестокостью можно спорить. Можно обидеться, замкнуться, придумать, почему она не права. С правотой – нельзя. Правота просто стоит рядом и молчит.

Надо взяться за себя.

Эта мысль пришла, как всегда приходят такие мысли – но-

чью, в темноте, с ощущением, что вот теперь точно. Не завтра. Сейчас. С этой минуты.

Я знал, что это уже было. Много раз. Что утром будет по-другому – не хуже, просто обычно. Что список дел вытеснит всё остальное и к вечеру от этой ночной ясности останется только усталость.

Знал – и всё равно верил.

Потому что не верить было страшнее.

Заснул я под утро. Последнее, что почувствовал – Марина повернулась на другой бок. Не ко мне. От меня. Или просто так – во сне люди не выбирают направление.

Я сказал себе – просто так.

И провалился в сон.

А на следующий день нашёл в интернете рекламу, которую видел уже раз сто – и всегда пролистывал.

Глава 2

КОНТРАКТ

Утром я проснулся в шесть.

Не потому что нужно было – просто проснулся. Тело само. Как будто внутри что-то щёлкнуло и сказало – хватит. Марина спала – я слышал её дыхание, ровное, глубокое, совсем не такое, как у меня ночью. Я лежал минут пять и смотрел в потолок. Во рту было сухо. В голове – та же тяжесть, что и в три часа, только теперь без мыслей. Просто тяжесть.

Встал тихо. Пошёл на кухню.

Сделал кофе. Сел у окна.

За окном был тот же март – как будто ночь ничего не изменила. Мокрый асфальт, серое небо, одинокий голубь на карнизе напротив. Голубь смотрел на меня с таким видом, будто тоже не выспался. Будто тоже провёл ночь в разговоре с потолком и не получил ответа.

Я держал чашку двумя руками – не потому что холодно, просто нужно было что-то держать.

Ночная ясность ещё была. Не такая острая, как в два часа – чуть размытая, как бывает с утра, когда ночное решение встречается с дневным светом. Но была. *Надо взяться за себя.* Я чувствовал это где-то в груди – не мысль, скорее

давление. Как будто что-то распирало изнутри и требовало выхода.

Я достал телефон.

Реклама нашлась быстро – алгоритм уже давно всё знал про меня, наверное лучше, чем я сам. Называлось просто. «Контролёр. Версия для взрослых.» Без восклицательных знаков, без улыбающихся людей на фоне закатов. Просто серый минималистичный экран и одна фраза внизу:

«Вы уже знаете что нужно делать. Мы поможем это делать.»

Я смотрел на эту фразу дольше, чем нужно.

Вы уже знаете. Да. Знаю. Всегда знал. Зал, вода, сон, дедлайны, звонки маме. Всё знаю. Проблема не в знании. Проблема в том, что между знанием и действием – пропасть, и я стою на краю этой пропасти уже лет пятнадцать и смотрю вниз.

Мы поможем это делать.

Я нажал.

Условия контракта открылись длинным серым текстом. Я начал читать – привычка, ввевшаяся за двадцать лет работы с документами. Первый пункт. Второй. В третьем шла речь о том, что система интегрируется с календарём, геолокацией, биометрическими данными часов если они есть.

Я остановился на слове «биометрическими».

И вдруг поймал себя на мысли – какая разница.

Нет, правда. Какая разница, что там написано в третьем

пункте или в тридцать третьем. Я всё равно подпишу. Не потому что доверяю системе. А потому что устал. Устал каждое утро просыпаться с этой тяжестью и каждый вечер ложиться с ней же. Устал знать и не делать. Устал быть человеком, которому непонятно для чего.

Пусть кто-нибудь другой решает.

Я пролистал до конца не читая.

Нажал «Принять условия».

Потом ещё раз – «Подтвердить».

Пальцы работали сами. Я смотрел на экран как смотрят на что-то неизбежное – без радости, без страха. Просто – делаешь и всё.

Потом был короткий экран с вопросом: *«Что вы хотите изменить в первую очередь?»* И список – здоровье, работа, отношения, финансы, личное развитие. Можно было выбрать несколько.

Я отметил все пять.

Потом подумал секунду и снял «отношения». Посмотрел на экран. Поставил обратно.

Оставил все пять.

Следующий экран предлагал прописать конкретные обязательства. Я печатал минут двадцать – зал три раза в неделю, сон до одиннадцати, вода два литра, дедлайны по проекту, звонок маме по воскресеньям. Вещи, которые я обещал себе сто раз. Которые начинал и бросал. Которые казались простыми, пока не наступал момент их делать – и тогда все-

гда находилась причина. Уважительная. Убедительная. Моя.

Когда я нажал «Сохранить» – телефон завибрировал коротко. Один раз. Как будто что-то закрылось.

И голос сказал.

Негромко. Спокойно. Без интонации – ни тёплой, ни холодной. Просто голос. Ровный как линия на кардиограмме.

– Добрый день. Контракт активирован. Сегодня в восемнадцать тридцать – зал.

Я сидел и слушал как затихает этот голос внутри головы.

Не снаружи. Внутри.

Я впустил его сам. Только что. Нажал кнопку и впустил. И теперь он там – спокойный, без эмоций, без злобы. Просто – там. И уже не выйдет.

Посмотрел на часы. Было семь пятьдесят.

Голубь на карнизе куда-то улетел. Карниз был пустой и мокрый.

Я допил кофе – оно уже остыло, я не заметил когда. Встал. Пошёл искать кроссовки. Нашёл один сразу, второй – под диваном, за какой-то старой книгой. Вытащил. Поставил рядом.

Посмотрел на них.

В зале я не был месяца три.

Глава 3

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ

Первый раз голос появился в метро.

Я ехал на работу – обычное утро, вторник, народу много, я стоял у двери и смотрел в окно на тёмные стены туннеля. Думал о проекте. О том, что надо переделать узел в западном крыле. О подрядчике, которому всё ещё не позвонил.

И вдруг – изнутри. Не из телефона. Изнутри.

– Через сорок минут – рабочий блок. Дедлайн по первому разделу в пятницу. Готовность – сорок два процента.

Я обернулся. Рефлекторно – как оборачиваются когда кто-то говорит в ухо. Никого. Люди в телефонах, женщина с пакетами, двое студентов. Никто ничего не говорил.

Я достал телефон. Экран тёмный.

Голос был внутри головы. Не как мысль – мысли – я знаю, как они звучат, это мой голос, я его узнаю. Этот был другой. Ровный. Без интонации. Как будто кто-то чужой поселился в голове и говорит оттуда – спокойно, по делу, без разрешения.

Поезд остановился. Двери открылись. Я вышел – не на своей станции, на следующей, не сразу понял. Постоял на платформе. Людской поток обтекал меня с двух сторон.

Нейроинтерфейс. Я же читал – или не читал. Там было что-то про интеграцию с биометрией, про синхронизацию. Я пролистал не глядя. Подписал.

Значит вот так это работает.

Я сказал себе – ну и хорошо. Именно так и должно работать. Чтобы не отвертеться. Чтобы не сделать вид, что не заметил уведомление.

Сел на следующий поезд. Опоздал на семь минут.

Голос не комментировал опоздание. Просто – молчал. И это молчание было почти громче чем слова.

Через месяц Марина спросила, что я делаю с собой.

Не подозрительно – с интересом. Мы ужинали, она смотрела, как я накладываю себе гречку вместо макарон, и спросила просто, между делом. Я сказал – слежу за питанием. Она кивнула. Больше не спрашивала.

Коллега Дима на третьей неделе остановил меня в коридоре.

– Ты чего такой собранный последнее время?

– В смысле?

– Ну. Не знаю. Дедлайны сдаёшь раньше срока. На совещаниях не зеваешь.

Я пожал плечами. Дима посмотрел на меня ещё секунду – как смотрят на человека, в котором что-то изменилось, но непонятно что – и пошёл дальше.

Я шёл по коридору и думал – вот значит как это выглядит снаружи.

Система работала именно так, как обещала. Без фанфар, без мотивационных речей. Просто голос в нужный момент – спокойный, без эмоций, абсолютно уверенный в себе. Пора в зал. Пора спать. Завтра дедлайн по второму разделу – вы готовы?

Первые дни я ждал что начну сопротивляться. Не начал.

Может потому что голос не давил. Не угрожал. Просто напоминал – и если я медлил, напоминал снова. Через пять минут. Через десять. Одно и то же, тем же тоном, без раздражения. Как будильник, у которого нет функции отложить – и который не устаёт. Никогда. Ты можешь не встать. Никто не придёт и не заставит. Но голос скажет об этом ровно и терпеливо, и через пять минут скажет снова, и через десять, и в какой-то момент встаёшь просто, чтобы он замолчал.

А потом понимаешь что он замолчал. И это – тишина, которую надо заслужить.

В зал я ходил три раза в неделю. Пил воду. Ложился в одиннадцать.

По воскресеньям звонил маме.

Мама каждый раз удивлялась – ты чего звонишь, всё в порядке? Я говорил – да, просто так. Она не верила. Мы разговаривали минут двадцать ни о чём, и я клал трубку с каким-то странным ощущением выполненного долга. Не тепла – именно долга. Но говорил себе, что это нормально. Что так и должно работать в начале.

Однажды в конце второй недели я лёг в одиннадцать ров-

но – всё выполнено, голос молчал, тело приятно гудело после зала. Лежал на спине и ждал.

Ждал чего-то.

Не знал чего. Просто – ждал. Как будто должно было прийти что-то ещё. Какое-то ощущение, которое бывает, когда всё сделал правильно. Радость. Или покой. Или хотя бы – да, так и надо.

Ничего не пришло.

Было тихо. Голос молчал. За стеной Марина что-то смотрела – смех иногда, тихий, для себя. Я лежал и думал – надо зайти. Посмотреть с ней. Просто – посидеть рядом.

Голос сказал:

– Оптимальное время засыпания – сейчас. Рекомендую не откладывать.

Я закрыл глаза.

Заснул быстро. Проснулся по расписанию. Выпил воду. Пошёл в зал.

И не мог понять почему это знание такое – лёгкое. Пустое. Как коробка из-под чего-то тяжёлого.

Проект шёл хорошо.

Культурный центр – самое большое что я делал за двадцать лет. Три этажа, стеклянный атриум, библиотека переходящая в концертный зал. Я придумал это соединение ещё на этапе эскиза – два пространства которые существуют отдельно но дышат вместе. Заказчик принял сразу. Коллеги говорили – это твоя лучшая работа.

Система фиксировала часы. Напоминала о промежуточных дедлайнах. Я сдавал всё вовремя.

Однажды вечером я сидел над чертежами и поймал себя на том что доволен. Просто – доволен. Тихо, без восторга, но по-настоящему. Работа шла. Тело работало. Голова была чистой.

Я подумал – вот значит как это бывает когда всё на месте.

Марина в тот вечер что-то смотрела в соседней комнате. Иногда оттуда доносился смех – она смотрела что-то смешное. Я слышал это краем уха и думал – надо зайти, посмотреть вместе. Потом подумал – дочерчу этот узел и зайду.

Дочертил. Был уже десятый час.

Голос сказал – через час сон. Рекомендую завершить активную работу.

Я сохранил файл. Закрыв ноутбук.

В соседней комнате было тихо – Марина уже выключила телевизор. Я постоял у двери секунду. За дверью была темнота и тишина и восемнадцать лет жизни с человеком, которого я любил – или думал что любил, или не знал как это проверить.

Не зашёл.

Пошёл чистить зубы.

Лёг в одиннадцать ровно.

Лежал и думал что всё идёт правильно. Что наконец. Что вот теперь.

Заснул быстро – впервые за долгое время без этой ночной

карусели в голове. Голос молчал. Всё было выполнено. Тишина была заслуженной.

И не заметил что в соседней комнате Марина ещё долго не спала.

Глава 4

ПЕРВЫЙ ОТКАЗ

В среду вечером я не хотел идти в зал.

Не потому что устал – рабочий день был обычный, ничего особенного. Просто сидел у окна с чашкой чая и смотрел как темнеет улица. Фонари зажглись один за другим – сначала дальние, потом ближние. Было хорошо. Тихо. Тепло от чашки в руках. Никуда не хотелось.

Голос сказал в восемнадцать тридцать:

– Зал. Через двадцать минут.

Я поставил чашку. Посидел ещё минуту. Никуда не пошёл.

Голос сказал в восемнадцать тридцать пять:

– Зал. Через пятнадцать минут. Рекомендую выйти сейчас с учётом времени в пути.

Я смотрел в окно. Последний фонарь зажётся у самого угла – мигнул сначала, потом устоялся. Улица стала другой. Вечерней.

Голос сказал в восемнадцать сорок:

– Зал. Через десять минут. При опоздании более пяти минут тренировка засчитывается частично.

Я встал.

Не потому что захотел. Просто – встал. Потому что голос вернётся через пять минут и скажет то же самое, и через пять минут после этого тоже скажет, и будет говорить ровно и терпеливо, пока я не встану или пока не истечёт время и тогда скажет про нарушение и индекс и работодателя. Проще было встать.

Пошёл в спальню. Достал форму из ящика – серая футболка, чёрные шорты, всё мятое, лежало с прошлой недели. Переоделся. Взял сумку.

В зеркале в прихожей на секунду увидел себя – в спортивной форме, с сумкой, готового идти. Правильный вид. Человек который следит за собой. Я смотрел на это отражение и думал – это я или то каким я должен быть. Разницы не было видно. Это беспокоило.

В лифте я поймал себя на странной мысли – я сейчас иду потому что хочу или потому что голос сказал?

Попробовал ответить честно.

Не знал.

В зале пахло хлоркой и чужим потом и какой-то резиной от новых ковриков. Обычный вечер – человек десять, кто-то в наушниках, кто-то смотрит в телефон между подходами, женщина на эллипсоиде смотрит в потолок с таким видом, будто считает минуты. Я переоделся в раздевалке – холодная плитка под ногами, чужие замки на шкафчиках, чья-то мокрая куртка на крючке. Вышел в зал. Встал на беговую дорожку.

Первые десять минут шёл – просто шёл, разогревался. Голос молчал. Система фиксировала пульс, шаги, время – я видел цифры на экране часов. Всё в норме. Всё как надо. Я смотрел на эти цифры и думал, что они знают обо мне больше, чем я сам – когда я устал, когда напряжён, когда сплю плохо. Цифры не врут. Цифры просто – есть.

Потом побежал.

На четвёртой минуте я вдруг подумал – когда я последний раз бегал потому что хотел бежать? Не для показателей. Не по расписанию. Просто – вышел и побежал, потому что тело само просило движения, потому что было что-то внутри, что требовало выхода.

Не мог вспомнить.

В студенчестве, наверное. Мы с Лёшкой Громовым иногда бегали по набережной ранним утром – просто так, без цели, разговаривали на бегу про всякую ерунду. Лёшка сейчас жил в другом городе, мы не виделись лет семь. Я даже не знал, есть ли у него дети. Я не знал почти ничего о человеке с которым когда-то бегал по набережной и казалось, что так будет всегда.

Я увеличил скорость.

Голос сказал спокойно:

– Оптимальный темп для вашего пульса – на два деления ниже.

Моя рука потянулась к кнопке.

Я убрал скорость – и только потом осознал что сделал это.

Не подумал. Не решил. Просто – голос сказал, рука сделала. Между командой и действием не было паузы, в которой живёт человек. Была только команда и действие.

Я смотрел на свою руку на кнопке.

Чья она.

Побежал дальше.

Через полчаса я стоял под душем и смотрел на плитку перед собой. Серая, влажная, с тёмной полосой затирки. Обычная плитка. Голос подтвердил что тренировка выполнена – коротко, без похвалы, просто факт. Тело было приятно усталым.

Я стоял и пытался понять – мне было хорошо?

Было. Наверное.

Или просто – нормально. Как бывает, когда сделал, что должен был сделать. Закрыв задачу. Поставил галочку. Не радость – облегчение что голос теперь замолчит до завтра.

Я оделся. Вышел на улицу.

Было уже темно. Пахло мокрым асфальтом и где-то – едой из кафе напротив. Тёплый свет в окне, силуэты людей, кто-то смеётся. Я остановился на секунду. Подумал – можно было бы зайти, съесть что-нибудь, просто посидеть среди людей, которые никуда не спешат.

Голос сказал:

– Через сорок минут – ужин. Рекомендован белок и овощи. Кафе рядом не соответствует плану питания.

Я пошёл домой.

Дома Марина что-то готовила на кухне. Запах лука и чего-то горячего. Я разулся, повесил куртку.

– Сходил? – спросила она не оборачиваясь.

– Да.

– Хорошо.

Она помешала что-то в кастрюле. Я сел за стол. Смотрел на её спину – та же спина, что восемнадцать лет, те же движения. Мы поужинали почти молча. Голос напомнил про воду – я выпил стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.